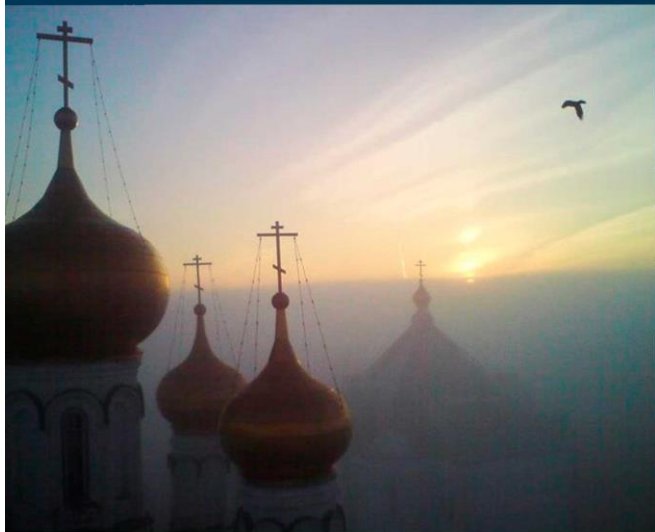

Григорий Нисский

МОЛИТВЕ

Св. Григорий Нисский (335–394 гг.), бывший епископ г. Ниссы внес весомый вклад в развитие христианской философии.

Святитель Григорий Нисский был пламенным защитником Православных догматов и ревностным учителем своей паствы; отличался великодушием, терпением и миролюбием.

Дожив до глубокой старости, святой Григорий Нисский мирно скончался, вскоре после Константинопольского Собора (после 394 г.). Вместе со своими великими современниками, святителями Василием Великим и Григорием Богословом, святитель Григорий Нисский оказал чрезвычайно значительное влияние на развитие церковной жизни.

Григорий Нисский

О молитве

Слово 1

Божие слово преподает нам учение о молитве, в котором достойным ученикам своим, тщательно ищущим ведения о молитве, излагает оно, какими молитвенными речениями надлежит преклонять к себе Божий слух. А я осмеливаюсь предположить написанному, что настоящему собранию надлежит сперва учиться не тому, как должно молиться, но тому, что непременно должно молиться, о чем, может быть, и не слышали еще многие. Священное и божественное это дело — молитва — многими во время жизни оставляется в нерадении и небрежении. Поэтому, кажется мне, прилично будет сперва, сколько возможно, подтвердить словом, что непременно должно, как говорит апостол, «пребывать в молитве» (Рим. 12:12), и потом уже выслушать Божественное слово, излагающее нам способ, как надлежит возносить моление ко Господу.

Вижу, что в настоящей жизни о всем другом прилагается более тщания, один к одному, другой к другому устремлен душой, но благо молитвы не с усердием взыскуется людьми. Мелочный торгаш с

раннего утра сидит с товарами, стараясь прежде промышляющих тем же показать покупателям свое, чтобы, предварив других, удовлетворить потребности нуждающегося и продать свое. А также и покупатель, имея в виду не остаться без потребного ему, если прежде захватит это другой, спешит не в дом молитвы, а на рынок. И у всякого, кто имеет равное пожелание получить выгоду и старается предупредить ближнего, тем, о чем он заботится, похищается час молитвы, будучи перенесен на торжище. Так занимающийся рукоделием, так и упражняющийся в пауках, так подсудимый, так получивший право судить — каждый, всецело увлекаясь заботой о том, что у него под руками, предает забвению упражнение в молитве, признавая богомыслие утратой для предлежащего ему дела, потому что, кто занимается искусством, тот Божие в предлежащем ему деле содействие почитает чем-то бесполезным и ни к чему не служащим, почему, оставив молитву, возлагает надежду на свои руки, не памятуя о Том, Кто дал ему эти руки. А также, кто прилагает попечение об образовании в себе дара слова, тот не помышляет о Том, от Кого имеет сей дар, но как будто сам себя возвел в естество, обращает внимание только на себя и предается изучению уроков в той мысли, что от Божия содействия не будет для него ничего доброго, своей тщательности

отдает предпочтение перед молитвой. Подобно этому, и прочие занятия заботой о телесном и земном не дают душе досуга на попечение о важнейшем и небесном.

Поэтому-то великий это в жизни грех, непрестанно от разных приращений более и более увеличивающийся, соединенный со всеми человеческими заботами, отчего и забвение о Боге преобладает всеми, и благо молитвы не включается людьми в число заслуживающего их заботы. С торговлей привходит любостыжательность, а любостыжательность есть идолослужение. Так земледелец не с необходимыми потребностями соразмеряет труды земледелия, но, простирая всегда тщательность до большей меры, доставляет греху свободный вход в занятие тем, что вносит его в чуждые пределы. Отсюда происходят нескончаемые споры, когда одержимые подобным недугом любостыжательности входят между собой в состязание о границах земли. От этого раздражения, побуждения к злым делам и взаимные нападения друг на друга часто оканчиваются кровопролитием и убийством. А также усиленные хождения по судам, изобретая тысячи извинений неправде, служат множеству разных грехов. Судья или произвольно за взятку кривит весами правосудия, или, против воли введенный в обман старающимися затемнить истину, подтверждает неправду. И что если

пересказать подробно это множество видов и способов, какими грех примешивается к человеческой жизни?

Причина же греха не иное что, а единственно то, что люди к тем средствам достигнуть желаемого, какие у них под руками, не хотят присовокупить и Божию помощь. Если усиленному старанию предшествовать будет молитва, то грех не найдет доступа к душе. Пока в сердце твердо памятование о Боге, недействительными остаются примышления сопротивника, потому что в делах сомнительных везде за нас ходатайствует правда. Молитва и земледельца удерживает от греха, на малом пространстве земли умножая плоды, так что грех не входит уже с пожеланием большего. Так путешественник, так вступающие в воинские ряды или в супружество, так всякий, к чему бы ни было направлено его стремление, если каждое дело будет делать с молитвой, благоуспешностью в том, чем он занят, будет отвращен от греха, так как ничто противное не увлечет душу его в страсть. Если же кто отступит от Бога, всецело предастся собственному усилию, то, став вне Бога, по всей необходимости непременно перейдет он во власть противника. Отлучается же от Бога тот, кто не в единении с Богом посредством молитвы.

Поэтому надлежит нам тому сперва научиться в этом слове, что «подобает всегда молиться, и не

стужати» (Лк. 18:1). Ибо следствие молитвы — то, что бываем мы с Богом, а кто с Богом, тот далек от сопротивника. Молитва есть охранная стража целомудрия, доброе направление раздражительности, обуздание кичливости, очистительное средство от памятозлобия, истребление зависти, уничтожение неправды, исправление нечестия. Молитва есть крепость тела, обилие в дому, благоустройство в городе, могущество царства, победный памятник на брани, безопасность во время мира, собрание разъединенных, постоянная совокупность соединившихся. Молитва есть печать девства, верность супружества, оружие путешественников, страж спящих, смелость бодрствующих, плодоноsie земледельцев, спасение плавающих. Молитва — защитник подсудимых, освобождение узников, успокоение утружденных, ободрение скорбящих, удовлетворение радующихся, утешение плачущих, венец вступающих в супружество, торжество в день рождения, погребальная пелена умирающим. Молитва — собеседование с Богом, созерцание невидимого, несомненная уверенность в вожделеваемом, равночестие с ангелами, преспеяние в добре, низложение зла, исправление согрешающих, наслаждение настоящим, осуществление будущего. Молитва Ионе кита сделала жилищем, Езекию из врат смерти

возвратила к жизни, а трем отрокам пламень обратила в «дух росный» (Дан. 3:50), израильтянам воздвигла памятник победы над амаликитянами, сто восемьдесят пять тысяч ассириян поразила в одну ночь невидимым мечом; и, кроме сего, можно найти в том, что было уже прежде, тысячи примеров, из которых делается явным, что из всего ценимого в жизни ничто не выше молитвы.

Но, хотя время уже заняться самой молитвой, однако же, присовокупим еще нечто к слову, потому что по Божией благодати благ всякого рода у нас много, для воздаяния же за полученное имеем у себя это одно: возможность платить долг Благодетелю молитвою и благодарением. Поэтому рассуждаю, что если и целую жизнь продолжим свое собеседование с Богом, пребывая в благодарении и молитве, то воздаяние наше будет так же малоценно, как если бы мы не позаботились еще положить и начала исполнению этой обязанности — чем-либо воздать Благодетелю. Продолжение времени делится на три отдела: прошедшее, настоящее и будущее. Этими тремя отделами объемлется благодеяние к нам Господне. Помыслишь ли о настоящем? Ты о Господе живешь. Или о будущем? Он для тебя — упование ожидаемого. Или о прошедшем? Тебя и не было бы, если бы не от Него получил бытие, — тем самым ты облагодетельствован Им, что получил от Него

бытие, благодетельствован и тем, что пользуешься бытием, потому что о Нем живешь и движешься, как говорит апостол (Деян. 17:28). Да и надежды на будущее зависят от этого же благодеяния. Сам ты властен только в настоящем, так что если бы и во всякое время не переставал ты благодарить Бога, то едва мог бы возблагодарить за настоящее, не находя никакого способа воздать должное и за будущее и за прошедшее. А мы настолько скудны в должной благодарности, что и по мере возможности не бываем признательны, не говорю — целого дня, даже большей части дня не уделяя на богомыслие. Кто распростер для меня землю? Кто промыслом Своим и влажное естество сделал проходимым? Кто устроил мне «небо яко камару» (Ис. 40:22)? Кто носит передо мною светильник солнца? Кто посылает источники в долину? Кто уготовил русла рекам? Кто отдал мне в услужение бессловесных животных? Кто меня, неодушевленный прах, сделал причастником жизни и разума? Кто сие брненное образовал по подобию образа Божия? Кто омраченный во мне грехом Божий образ снова привел в первоначальную красоту? Кто меня, изгнанного из рая, удаленного от древа жизни, скрытого в бездне вещественной жизни, влечет к первоначальному блаженству? «Несть разумевай» (Рим. 3:11), говорит Писание. Взирая на это, должны мы были

бы во все продолжение времени жизни бесконечное и непрерывное воздавать благодарение.

Но теперь все почти человеческое естество бдительно для одного вещественного, об этом вся его тщательность, к этому все усердие, это составляет предмет и памятования, и надежды. Неусыпно и неудержимо во всяком деле естество человеческое к вожделению большего, где только может еще быть найдено что-либо большее, в чести ли это и славе, в избытке ли имущества или недуга раздражительности, — везде естество наше имеет в виду достигнуть в этом большего, об истинных же благах Божиих или известных по обетованию нет и помышления.

Но время исследовать по возможности смысл речений, употребленных в молитве, ибо явно, что получить желаемое нами делается для нас возможным только когда узнаем, как надлежит сего испрашивать. Поэтому какое же преподано об этом учение? «Молящиеся», сказано, «не лишне глаголите яко же язычницы: мнят бо яко в многоглаголании своем услышани будут» (Мф. 6:7–8). Хотя содержание этого учения, будучи изложено нам просто, само по себе может быть ясно и не требует никакого более тонкого изыскания, однако же достойно для нас исследования, что значит речение «лишшеглаголание», чтобы, дознав смысл этого слова, не делать нам запрещенного.

Мне кажется, что Господь уцеломудривает суетность ума, обуздывает погружающихся в суетные пожелания и потому изобрел это не употребительное до сих пор и новосоставленное речение в обличение неразумия тех, которые развлекаются пожеланиями бесполезного и суетного. Ибо слово благоразумное, осмысленное и направленное к полезному в собственном смысле называется словом, а произносимое неисполненными пожеланиями ради неосуществимого удовольствия есть не слово, но лишшеглаголение, или, как иной, выражая мысль более употребительными словами, сказал бы, пустословие, бессмыслица, вздор и что-либо другое подобное этому значению. Поэтому что же внушает нам слово это? Во время молитвы не подвергаться тому же, что, например, происходит в детском уме. Ибо несовершенные умом не о том думают, что могло бы действительно быть исполнено по их мысли, но самовластно строят себе какую-то счастливую судьбу, предполагая сокровища, супружество, царства, большие города, называемые их именами, представляют себя обладателями того, что изобразила им суетность помыслов, а иные еще смелее предаются такой суетности и, преступив меру естества, или делаются мысленно птицами, или сияют подобно звездам, или носят в руке горы, или небо представляют для себя удобопроходимым,

или предполагают прожить тысячи лет, из стариков делаясь молодыми, или иные подобные им похожие на пузыри и пустые представления порождает сердце в юных умом; поэтому, как и в делах обыкновенных не рассуждающий о том, чем достигается какое-либо из благих желаний, но осуетившийся неисполнимыми пожеланиями, как человек неразумный и жалкий, в этих грезах тратит время, в которое мог бы подумать, как сделать для себя что-либо полезное, так и тот, кто во время молитвы устремлен не к тому, что полезно душе, но просит Бога оказать благоволение страстным движениям его ума, как человек нелепый, есть действительно лишшеглаголивый, молящийся о том, чтобы Бог стал содейственником и служителем его суетностей. Скажу для примера: приступает кто-либо с молитвой к Богу и, не уразумев умом высоты того могущества, к какому приступает, сам того не понимая, оскорбляет сие величие срамными и низкими прошениями. Как если кто по чрезвычайной бедности или грубости, глиняные сосуды почитая для себя многоценными, а потом, пришедши к царю, готовому раздавать богатства и чины, отложив в сторону прошения, какие прилично предлагать царю, станет у почтенного таким саном просить, чтобы из глины лепил, что для него желательно, — так и невежественно пользующиеся молитвой не возносятся сами до

высоты Дающего, а, напротив того, желают Божественное могущество низвести до собственного своего низкого и земного пожелания и поэтому страстные стремления простирают к Тому, Кто видит сердца, и простирают не для того, чтобы уврачевать неуместные движения сердца, но чтобы соделалось оно еще худшим, когда лукавое сие стремление при содействии Божиим увенчается делом. Поскольку такой-то оскорбляет и сердце к оскорбляющему расположено неприязненно, то говорит Богу: «Порази его», как бы так вопия: «Моя страсть да соделается и Твоей, моя злоба да перейдет и в Тебя». Как в человеческих битвах невозможно стоять за кого-либо с одной стороны, не чувствуя вместе с гневающимся раздражения на противоборствующего, так, очевидно, и возбуждающий Бога против своего врага просит Его, чтобы вместе с ним прогневался и стал участником в раздражении. А сие значит Божеству прийти в страсть, уподобиться человеку и благое естество претворить в зверскую жестокость. Так славолубец, так по гордости желающий себе больше и больше, так усиливающийся одержать победу в судопроизводстве, так поспешающий получить венец в телесной борьбе, домогающийся ободрения на зрелищах, а часто и истощенный неистовой страстью юности, — все они возносят моления к Богу не о том, чтобы освободиться от

преобладающего в них недуга, но о том, чтобы болезнь в них достигла своего предела, а поскольку каждый из них не успеет в этом признать для себя несчастье, то подлинно они лишнее глаголют, умоляя Бога, чтобы стал Он содейственным умственного их недуга; а что всего хуже, им желательно, чтобы Божество принимало противоположные стремления, деля Божию действенность на жестокость и человеколюбие, потому что о Ком желают, чтобы милостив и кроток был к ним, Того же просят показать себя жестокими и немилостивым к их крагам. Какое неразумие лишшеглаголющих! Если Бог жесток к ним, то, без сомнения, не благосклонен и к тебе. А если по надежде твоей к тебе преклоняется на милость, то почему придет в противоположное расположение, переменяв милость на жестокость?

Но у любителей споров под руками на это возражение. Ибо в защиту своей жестокости немедленно представляют пророческие слова, а именно: Давида, желающего «да погибнут» грешные (Пс. 9:4) и молящегося о постыжении и посрамлении врагов (Пс. 82:18); Иеремию, изъявляющего желание видеть «мщение» Божие на сопротивных (Иер. 11:20); Осию, испрашивающего дать врагам «утробу неплодящую и сосцы сухи» (Ос. 9:14), собирают и многое другое, рассеянное в разных местах Священных Писаний, доказывая, что

должно молиться об отмщении противникам и благость Божию делать содейственницей своей жестокости. Но, чтобы как бы мимоходом прекратить лишшеглаголение по сему поводу уклоняющихся в противное, о каждом из упомянутых мест предложим мы следующее.

Ни один из действительно святых, вдохновенных Духом Святым, которых речения по Божественному смотрению написаны в назидание последующим родам, не окажется прилагающим речения о чем-либо худом. Но одна цель в их словах: она клонится к исправлению естества от вселившегося в него порока. Поэтому, как молящиеся, чтобы не было больных, не было нищенствующих, желают не смерти людей, а истребления болезни и нищеты, так и каждый из святых, молясь о том, чтобы пришло в уничтожение все враждебное и неприязненное естеству, только людям наиболее невежественным подает повод к такой мысли, будто бы святые ожесточены и раздражены против людей. Ибо Псалмопевец, сказав: «Да исчезнут грешницы от земли и беззаконницы, якоже не быти им» (Пс. 103:35), молится о том, чтобы исчезли грех и беззаконие, потому что не человек человеку враждебен, но порочным движением воли соединенное с ним по естеству делается ему врагом. Поэтому Давид молится, чтобы исчезло зло, но человек — не зло.

Ибо как быть злым подобию Благого? Так, если молится о постыжении и посрамлении врагов, то этим указывает тебе на полчище сопротивников, от невидимого врага нападающих на жизнь человеческую, о которых откровеннее выражается Павел, говоря, что у нас «брань к началом, ко властем и к миродержителям тмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6:12), к демонским козням, по которым представляются людям дурные случаи ко греху, приводящие в раздражение встречи, поводы к вожделениям, предлоги к зависти, ненависти, гордости и подобным порокам. Видя, что все это злокозненно окружает душу каждого, великий Пророк, молящийся об отмщении этим врагам, молится, чтобы они были постыжены, т. е. чтобы спастись ему самому, потому что естественно побежденному в борьбе стыдиться своего падения, как и победившему радоваться своей победе. А что это действительно так, дает разуметь вид молитвы. «Да постыдятся», сказано, «и посрамятся ищущие душу мою» (Пс. 34:4). Пророк молится об отмщении не тем, которые злоумышляют причинить ущерб имуществу, или спорят о пределах владения, или указывают какой-либо порок в его теле, но которые злоумышляют на душу. Злоумышление же на душу в чем ином состоит, как не в отчуждении ее от Бога? А душа человеческая не иначе отчуждается

от Бога, как страстным расположением. Поскольку Божество всегда бесстрастно, то постоянно пребывающий в страсти отлучается от общения с Божеством? Потому, чтобы не потерпеть этого, Давид молится о постыжении противоборствующих. А это не иное что значит, как испрашивать себе победы над сопротивниками. Сопротивники же эти суть страсти. Так и Иеремия, имея ревность о богочестии, поскольку тогдашний царь до безумия предан был идолам, а с ним вместе увлеклись и подданные, не собственную какую-либо врачует беду, но вообще о людях приносит моление, желая, чтобы ударом, какой наносится нечестующим, уцеломудрен был весь человеческий род. Так и Пророк, который видел тогда порок у израильтян многоплодным, справедливо осуждает его на бесчадие и желает, чтобы и иссохли горькие сосцы греха, и чтобы зло не рождалось и не воспитывалось больше у людей. Поэтому и говорит Пророк: «Даждь им, Господи, утробу неплодящую и сосцы сухи» (Ос. 9:14). И если у святых найдется другое какое подобное слово, которым выражается и означает некое раздражение, то, конечно, скрывается в нем та мысль, чтобы изгнано было зло, а не истреблен человек. «Бог смерти не сотвори» (Прем. 1:13). Слышишь этот решительный приговор! Поэтому как же Пророк стал бы вымаливать смерть сперва